

А. Ф. ИВАЩЕНКО

Джон Рид

Серия VI
№ 11

Издательство „Знание”
1958

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Доктор филологических наук
А. Ф. ИВАЩЕНКО

ДЖОН РИД

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1958

Американский писатель Джон Рид является автором всемирно известной книги «Десять дней, которые потрясли мир». В брошюре рассказывается о коротком, но полном событий жизненном пути писателя, отдавшего все свои силы и талант борющемуся за свое счастливое будущее трудовому народу.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Новая площадь, д. 3/4.

---

19 марта 1919 года в Соединенных Штатах Америки вышла книга «Десять дней, которые потрясли мир», поведавшая всему человечеству правду о победоносной социалистической революции в России. Ее автором был американец Джон Рид — выдающийся публицист, блестящий мастер репортажа, поэт, прозаик, политический деятель.

Короткая, удивительно яркая жизнь Джона Рида была насыщена борьбой и событиями. Сын американского народа, легендарный Джон Рид стал прообразом человека грядущей свободной Америки.

Джон Рид — литератор нового склада. Он не смотрел на жизнь со стороны, а деятельно вмешивался в нее. Нередко он был на волосок от гибели не потому, что безрассудно играл со смертью или любил острые ощущения, — Рид был наделен истинным талантом жизнелюбия, которому чуждо спокойствие эгоистического существования. У Джона Рида была своя мера любви к жизни, та мера, которая по плечу людям орлиной породы, прирожденным борцам. Он дышал воздухом битв, был одержим вечной жаждой движения вперед.

Рид бродил по ночным предместьям Нью-Йорка, сидел в тюремной камере с забастовщиками, ночевал у костров с мексиканскими крестьянами, восставшими за свободу и землю, колесил по истерзанной, залитой кровью Европе в годы первой мировой войны, видел рождение первого в истории государства рабочих и крестьян, встречался и беседовал с Лениным, на митингах и собраниях американских рабочих он рассказывал правду о России, об Октябре... Быть всегда на переднем крае, в самой гуще классовой борьбы стало правилом его жизни. «Так стал он странником больших дорог мира, — говорит о нем его друг, прогрессивный американский литератор А. Вильямс. — Кто желал быть в курсе современной жизни, тому достаточно было следовать за Джоном Ридом, ибо всюду, где случалось что-нибудь значительное, он поспевал, как некий буревестник».

Куда бы ни бросала Рида судьба, везде — в США, Мексике, Испании, Франции, Болгарии, Сербии, России — он находил путь к сердцу трудового люда, ибо был человеком большой души и пытливого ума. И он пришел, хотя и не сра-

зу, к убеждению, что будущее мира в руках миллионов простых людей.

Понадобилась огромная внутренняя работа, чтобы Джон Рид стал последователем Ленина, одним из основателей коммунистической партии на своей родине, негибаемым бойцом за великие идеалы коммунизма.

* * *

Джон Рид родился 22 октября 1887 года в г. Портленде (штат Орегон) в состоятельной буржуазной семье. Богато одаренная натура Рида, его пылкое воображение, жизнерадостность сказывались уже в школе. В Гарвардском университете, где он провел четыре года (1906 — 1910), намечаются черты Рида — человека активного, жадно рвущегося навстречу всем впечатлениям жизни. В университете он продолжает развивать свои открывшиеся еще в школе литературные способности: пишет очерки и стихи для журналов «Насмешник» и «Ежемесячник».

Рид принадлежал к поколению, духовное формирование которого совершалось в условиях наступления эпохи империализма, утраты либеральных иллюзий у интеллигенции, крушения всры в безграничные возможности процветания Америки. Ширилась борьба за социальные реформы. В американской литературе утвердилось течение так называемых «разгребателей грязи», занимавшихся изучением условий труда, разоблачением продажности государственного аппарата, антинародной деятельности крупных монополий. В годы учения в университете Рид испытывал сложные противоречивые влечения: ему хотелось завоевать положение в среде студенческой аристократии, но его тянуло и в сторону антибуржуазно настроенной молодежи, он прислушивается к спорам в студенческом социалистическом клубе, где обсуждались различные социальные теории, поддерживает связь со студентами различных национальностей, что способствовало расширению круга его духовных интересов.

Серьезное влияние на формирование характера Рида, несомненно, оказал его отец — человек независимый, прямой и твердый. В качестве федерального судебного исполнителя он разоблачал спекулянтов земель в Орегоне и приобрел поэтому сильных и злобных врагов в деловых кругах. Смерть отца в мае 1912 года была большим ударом для Рида.

После окончания университета Рид совершил путешествие по Европе (Англия, Франция, Испания). Так начались странствования Рида по большим дорогам мира, длившиеся до конца его недолгой, но бурной жизни.

Возвратившись на родину после нескольких месяцев пребывания в Европе, Рид стал журналистом-профессионалом. Он

завязывает тесную дружбу с Линкольном Стеффенсом — видным публицистом, одним из крупнейших представителей течения «разгребателей грязи», впоследствии, в 30-е годы, ставшим членом компартии США. С глубоким интересом всматривается он в жизнь громадного Нью-Йорка — любит бродить по улицам города, по самым отдаленным его закоулкам, изучает кварталы иностранцев, игорные дома, бары, театры, отели, небоскребы и жалкие лачуги. «Я впервые понял, — писал Рид, — что действительность может превзойти все самые пылкие поэтические фантазии изощренных романистов средневековья». Контрасты большого капиталистического города поражали его воображение. «Я должен был видеть все своими глазами, — вспоминал Рид. — Во время моих странствий по городу я не мог не наблюдать ужасы нищеты и ее тяготение к пороку, жестокое неравенство между богачами, у которых слишком много автомобилей, и бедняками, которым нечего есть. Я узнал не из книг, что рабочие производят все богатства мира, которыми пользуются те, кто их не заслужил».

Теперь Рид становится известным. Его рассказы, статьи, стихи появляются на страницах различных периодических изданий. Он начинает сотрудничать в прогрессивном журнале «Мэссиз», становится одним из его редакторов; и хотя ему могли вскружить голову и растущая известность, и лесть бунжуазных критиков, и большие гонорары — Рид устоял. Не сенсационные происшествия или жизнь верхушки общества привлекали его внимание — реальная жизнь Америки, люди из социальных низов, жертвы жестокой буржуазной действительности стали героями его реалистических новелл, созданных в 1912 — 1916 годах. Продолжая по-своему и развивая лучшие гуманистические традиции американской литературы — Уитмэна, М. Твена, Д. Лондона, О'Генри, Рид открывает привлекательные черты в героях «дна», людях-«нулях». с точки зрения буржуа. Прямодушием, цельностью характеров и, в особенности, страстным жизнелюбием наделяет Рид героев своих новелл. Утверждение человечности героев почти всегда идет у Рида рядом с критическим изображением капиталистического мира. Героиня раннего рассказа «Видеть — значит верить» (1913) — одинокая девушка из глухого угла в Огайо, без родных и без средств попадает в Нью-Йорк. Что же влечет ее в большой город? Нет, не желание выбиться «в люди». . . «Я хочу только все посмотреть, — объясняет она, — я еще многого не видела». Несложная фабула, но на ней Рид строит удивительно сильный контраст между простодушием, наивностью, свежестью чувств героини и жизнью в большом капиталистическом городе.

В своих поздних рассказах Рид идет по пути все более глубоких социальных наблюдений. Острая жизненная коллизия лежит в основе одной из прекрасных новелл — «Ночь на

Бродвее». Сюжет ее прост — продавец брачной газеты предлагает за гроши счастье на всю жизнь, а у него самого нет ни семьи, ни очага, ни счастья. В рассказе «Мак-американец» (1914) дан необычайно выразительный образ американца, прочно усвоившего расистские бредни и на практике следующего звериному буржуазному кодексу морали. Попав в Мексику, Мак, сидя в трактире, предается приятным для него воспоминаниям о том, как он, будучи надсмотрщиком на плантации, участвовал в охоте за беглым негром. Он с удовольствием припоминает подробности этой чудовищной охоты и, как бы между прочим, замечает, что негра растерзали в клочья настигшие его собаки. В конце рассказа он говорит: «Мне не нравится жизнь в Мексике... Люди здесь какие-то бессердечные. А я люблю людей сердечных, добрых, как американцы».

Нельзя не упомянуть здесь и о превосходном рассказе Рида «Дочь революции» (1915), напечатанном в журнале «Мэссиз» и навеянном парижскими впечатлениями. В нем дан психологически сложный образ пролетарской женщины — жертвы уродливых капиталистических отношений.

И все же новеллы Рида были лишь подступами к главной и самой важной творческой теме — теме рабочего класса, в борьбе прокладывающего себе дорогу в новый мир, свободный от оков капитализма.

1913 год принес много нового Джону Риду. Он встретился, а затем и подружился с одним из интереснейших людей пролетарской Америки — с Биллем Хейвудом, руководителем профсоюзной организации Соединенных Штатов Америки — «Индустриальные рабочие мира». В этом же году Рид стал очевидцем жестокой классовой битвы. Это была шумевшая забастовка ткачей в Патерсоне (о ней ему рассказал Хейвуд). В апреле 1913 года Рид отправился в Патерсон и увидел мужественную борьбу пролетариев. Здесь Рида арестовали, и он провел четыре дня в тюрьме. Впервые он ощутил правду классовой борьбы. Вместе с рабочими Рид пел «Марсельезу» и «Солидарность навсегда». Несмотря на запреты полиции, он часто ездил в Патерсон, а затем написал исполненную страсти и гнева корреспонденцию «Война в Патерсоне», в которой открыто, всем сердцем встал на защиту прав забастовщиков.

В середине мая 1913 года Рид создает агитационную инсценировку, в основе которой лежали события в Патерсоне. Единственное представление этой социальной драмы состоялось в Мэдиссон-сквере (Нью-Йорк) в июне 1913 года. На громадной сцене перед многими сотнями рабочих были инсценированы события героической забастовки. Представление закончилось общим пением «Интернационала». Колоссальную энергию вложил Джон Рид в создание народной драмы; сочиняя сценарий, репетируя с громадной труппой участников спектакля. Между рабочими и Ридом в этот период установил-

ся тесный духовный контакт. Яростные вопли буржуазной прессы по поводу постановки лишь подтвердили важность этого шага, приблизившего Рида к рабочему классу.

* * *

Летом 1913 года Рид снова уехал в Европу, а в конце этого года был уже в Мексике, куда отправился в качестве корреспондента журнала «Метрополитэн» и газеты «Нью-Йорк уорлд». После трагедии Патерсона — эпопея революционной Мексики. Джону Риду предстояло увидеть восставший народ, бросивший вызов своим угнетателям. Что же происходило тогда в Мексике?

Долгое и жестокое правление диктатора Порфирио Диаса — президента Мексики — довело обездоленный и нищий мексиканский народ до возмущения. В 1910 году разразилась революция. «Мексика Порфирио Диаса, — как писал руководитель компартии США Уильям Фостер в своей «Политической истории Америки», — была раем для эксплуататоров и паразитических элементов общества и настоящим адом для трудящихся. Имея все возможности стать богатой страной, Мексика оставалась одной из самых нищих и угнетенных стран мира, трагическим символом алчности капиталистов. Не удивительно, что этот позорный режим был сметен волной революции».

Однако в феврале 1913 года реакционеры во главе с генералом Уэртой, бывшим сподвижником Диаса, организовали восстание. В ответ поднялась народная армия, героическую борьбу которой на севере страны и описал Джон Рид. Из его корреспонденций в «Метрополитэн» и в «Мэссиз» составила́сь целая книга — «Восставшая Мексика» (1914 г., в русском издании — «Революционная Мексика»).

Мексиканский народ, драматизм его судьбы, яркая, живописная природа Мексики захватили воображение молодого писателя, вызвали к жизни лучшие стороны его таланта. Именно здесь романтическая настроенность Рида-поэта, принимавшая раньше, в стихах, нередко подражательные, условные формы, нашла необыкновенно благодарную и благородную почву. Весь Рид, каким он был в двадцать шесть лет, ярко и полно сказался в его «Восставшей Мексике». О чем бы Рид ни говорил в своей книге — о походах и сражениях революционной армии, о нравах и обычаях мексиканцев, о своеобразном колорите страны, — через все детали и описания, через всю книгу проходит одна, главная тема — тема народа, пришедшего в движение.

Священна в глазах Рида война тружеников Мексики за землю. «Трудно себе даже представить, — пишет он, — как близко к природе живут крестьяне на этих огромных гасиендах. Их хижинны построены из той земли, на которой они сто-

ят; их пища — кукуруза, которую они выращивают... они сами ткут себе одежду из шерсти, сами шьют обувь из кожи домашних животных».

Народные типы Мексики изображены писателем с искренней любовью; книга пронизана чувством глубокой солидарности автора с простым человеком-тружеником. Правда, Рид видел и то, что жива еще старая Мексика — царство векового голода и лишений, бедноты, с ее внушенной угнетателями покорностью перед судьбой. Эта старая Мексика нашла у Рида одно из потрясающих по своему трагизму воплощений в образе пеона, согбенного от старости и трудов, одетого в лохмотья, которого писатель встретил в разгар кровавого сражения на подступах к городу Торреону. Долгая жизнь научила крестьянина, что все, что ни совершается, обращено против него, ведь он за все привык платить своими силами, самой своей жизнью... «Эта война, мне кажется, ничего не дает народу, кроме голода. Идите себе с богом, сеньеры».

Но за старой Мексикой взор Рида, вдохновенный интересом и сочувствием к борьбе народа, увидел и другую Мексику.

Революция раскрывала в людях благородные стороны их внутреннего мира, о которых нельзя было и подозревать. Очистительный огонь революций выпрямлял и поднимал человека, ее чудодейственная сила переплавляла людские души. Эта тема составляет подлинный пафос книги Рида, сообщает повествованию особый, романтически приподнятый тон. Рид рассказывает, например, о том, как он нанял араба с его повозкой для псездки к генералу Урбине. Возница-торговец приучен обстоятельствами жизни всегда помнить о собственной выгоде. Но когда наступает момент расставания и Рид предлагает арабу деньги, тот отказывается от них. Он обнимает Рида со слезами. «Прощай, добрый араб! — пишет Рид. — Ты прав. В Мексике можно вести дела лучше, чем в Америке».

На многих примерах показывает автор, что никакие ухищрения угнетателей не могли вытравить черты, присущие мексиканскому трудовому люду: его доброту, сердечную чуткость, самоотверженную верность братьям по классу. Революция с необычайной, поистине трогательной силой выявила эти стороны в национальном характере. Эти же черты простых людей Рид увидел четыре года спустя в Москве, когда участвовал в церемонии погребения жертв революции на Красной площади. Он видел огромные толпы народа, «тысячи и тысячи людей, истощенных трудом и бедностью», объединенных чувством скорби и любви к павшим братьям. Патетику траурной церемонии Рид передал в простых, исполненных возвышенного смысла словах: «Так любят друг друга бедняки».

И в Мексике, опаляемой огнем гражданской войны, Джон Рид всюду испытывал на себе проявление великого закона

братства. Для пеона, приютившего Рида, гостеприимство, как говорит писатель, было настоящей жертвой. Он извлекал из своих скудных, бережно хранимых запасов сахар и кофе и с благоговением приносил на стол эту драгоценную редкость. «Он был, как и все пеоны, беден до невероятности и гостеприимен до расточительности». И, разумеется, хозяин отказывался от всякой платы. С каким трогательным великодушием, как самоотверженно заботились пеоны о солдатах отряда, раненых и больных... Они отдавали им последний кусок хлеба, кормили лошадей, предлагали жить у них до выздоровления, выбирались из хижин, чтобы уступить свое место, дать приют измученным солдатам.

Уже здесь, в «Восставшей Мексике», ошутимо проявилась одна из замечательных черт дарования Рида — умение лепить выразительные фигуры и строить литературный сюжет, основанный на живом, горячем материале репортажа. В маленькую горную деревушку приезжает коробейник и рассказывает ее жителям новости о революции в стране. Он драматически жестикулирует, прыгает на месте, то и дело поправляя огромное коричневое сомбреро, и забрасывает свой полинявший голубой плащ на плечо; он берет на прицел из воображаемой винтовки, потрясает в воздухе воображаемой шашкой в то время, как слушатели смотрят на него, разинув рты. Это не просто жанровая сценка, хотя и великолепно в деталях выписанная Ридом. В самой фигуре рассказчика как бы просвечивают черты народного характера, а красочный рассказ «в лицах» выразительно имитирует не воображаемую, но совершенно реальную кровавую драму, разворачивающуюся на просторах Мексики...

Герой Рида — народ: солдаты, угольщики, пастухи. Как-то в сумерках, в ожидании атаки, Джон Рид смотрел на оборванных солдат, которые лежали у костров и пели песни... Великое чувство солидарности захватило его, и он обронил слова, идущие из глубины сердца: «Казалось, все мое существо растворилось в любви к этим милым, добрым, простым людям...» Почти символического значения фигуры: оборванный босой старик с лицом святого, на которое голод наложил свою печать; или пеон, встреченный во время странствий, сгорбленный, в порванных штанах, обнажавших изможденное от голода тело; сквозной, через книгу проходящий образ — длинная, от родников к земляным хижинам, цепь женщин с кувшинами воды на головах... Эти образы вырастают у Рида в олицетворение целого народа, его тяжких повседневных трудов, его вековых страданий и его беззаветной решимости победить или умереть, сражаясь.

С видимым удовольствием зарисовывает Рид экзотически яркие костюмы солдат и офицеров революционной армии, подчеркивая, хотелось бы сказать, некоторую театральность

их поведения, если бы оно не было для них вполне естественным. Обычный переход войска восставшие совершают в бешеном темпе, наполняя воздух дикими криками и револьверными выстрелами, так что эскадрон превращается в «безумный ураган из людей, лошадей и пыли»... Рид описывает, как в промежутках между сражениями солдаты отдают забавам со всем пылом своих непосредственных натур. Это была лишь одна, экзотическая сторона революции, столь импониравшая Риду; недаром он восклицал, наблюдая народную армию: «Какой прекрасный материал для роскошного представления!».

Но Рид увидел и запечатлел и другую сторону — суровую и жестокую в своей правде. К армии, штурмующей один из оплотов контрреволюции, присоединяется отряд, уже сильно потрепанный в предыдущем бою. Мимо Рида проходят оборванные и босоногие, изможденные люди в широких пеонских сомбреро. Другие угрюмо, молча едут на измученных лошадях, едут в бой непреклонные и страшные в своей сосредоточенности, со старыми винтовками и ничтожным запасом патронов. «И когда они скрылись в темноте,— пишет Рид,— сражение вдали, казалось, вспыхнуло с новой силой».

Революция выдвигала из глубочайших низов талантливых организаторов и вожаков. Заметное место в книге занял образ генерала Франсиско Вильи (Панчо) — неграмотного крестьянина, возглавившего войну за землю на севере, в штате Чиуауа.

Его 40-тысячную армию сопровождал Джон Рид в качестве корреспондента (десять лет спустя, в 1923 году, Вилья был коварно убит врагами мексиканского народа). Рид с восхищением пишет о выдающихся военных способностях Вильи. Отнятые у помещиков земли революционный генерал передавал крестьянам. Рид создает портрет и другого народного генерала — Ортега, обаятельного человека, выходца из низов, который, по словам писателя, ни одним центом не воспользовался от революции; он шел в бой с мечтой о земле, о независимой, свободной и сильной народной Мексике.

Писатель не идеализировал своих героев, он видел людей такими, каковы они есть, и полюбил их такими, какими узнавал их в хижине бедных ранчерос, на бивуаке или в огне сражения. И простые люди Мексики платили американцу Джону Риду ответной любовью. С грубоватой лаской называли его бойцы «Хуан Рид», «Хуанито» или с дружеской насмешливостью — «мистер»... Для них, бесстрашных храбрецов, он был свой человек, компанеро. Они наивно говорили: «Этот компанеро приехал за тысячи миль, по суше и по морю, чтобы, пожив среди нас, рассказать своим землякам, как мы боремся за свободу...».

Не холодным наблюдателем, а человеком, страстно заинтересованным в победе народного дела, был Рид в Мексике.

Вот почему он смог на немногих страницах с великолепной силой заклеить реакционеров. Он понимал: враги народа Мексики не только здесь, «свои» помещики, служители церкви, старая военная каста, они и там, по ту сторону границы — американские капиталисты, алчно заряжающиеся на богатства Мексики. Риду приходилось встречаться в Мексике с агентами американских компаний. Как-то ночью, у костра, Джон Рид услышал разговор между старцем и юношей — двумя крестьянами: «Говорят, — прервал юношу старик с дрожью в голосе, — что Соединенные Штаты с завистью посматривают на нашу родину, что, в конце концов, к нам придут солдаты-гринго и заберут у нас последних коз...». «Это ложь! — воскликнул юноша, оживляясь. — Только богатые американцы хотят нас грабить, так же как и наши мексиканские богачи. Во всем мире богатые грабят бедных».

Рид, по его признанию, очень ценил такие неожиданные встречи на дорогах Мексики. В случайных беседах ему все более явственно слышался голос целого народа, голос революции. Ему поверяли солдаты свои мечты о правительстве для бедных, о победе, которая навсегда передаст землю в руки тружеников — пеонов... «За что вы сражаетесь? — часто спрашивал он своих собеседников. Один из них, Исидоро Амато, ответил ему однажды:

— Мы боремся за либертад.

— А что такое либертад?

— Когда я могу делать то, что хочу, — это и будет либертад.

— Но, быть может, это будет во вред другим людям?

На это Исидоро ответил известным изречением Бенито Хуареса¹: «Свобода — это уважение к правам других!»

Я этого не ожидал, — пишет Рид. — Меня поразило такое представление о свободе у этого босоногого инсургента.

«Восставшая Мексика» явилась свидетельством возросшего мастерства Рида. И, как это нередко бывает у людей большого таланта, рост мастерства Рида был неразрывно связан с углублением взгляда художника на жизнь. Перед поездкой в Мексику Рид не был свободен от сомнений: сможет ли он ужиться с простыми людьми, не растеряется ли он, не струсит ли?.. Теперь от этих сомнений не осталось и следа. Любовь к народу, вера в справедливость народной войны за свободу и землю помогли ему разделить и радость побед и горечь поражений. У Рида возникло чувство общности, слитности со сражающимся за счастье трудовым людом.

Чем дальше разворачивается в книге повествование, тем все более глубокий смысл приобретает слово *«мы»*, которое

¹ Бенито Хуарес — индеец, выдающийся мексиканский демократ. Возглавлял борьбу за социальные реформы в Мексике во второй половине XIX века.

так часто употребляет писатель. Рид стораёт от любопытства, как и крестьяне деревушки, желая узнать новости о революции: «Мы закурили и уселись в три ряда вокруг коробейника». Рид делит с бойцами все лишения походной жизни: «На рассвете мы были уже в седлах. Пришпорив лошадей, мы понесли по голой пустыне, чтобы согреться. Было ужасно холодно...»; «В полдень мы поймали оленя и тотчас же зарезали. Не имея времени раскладывать костер, мы разрезали животное на части и ели мясо сырым». Вот неожиданно Рид встречается с товарищами из знакомого отряда. Бойцы соскакивают с лошадей, тянутся к Риду со всех сторон, чтобы потрепать его по плечу. И с какой гордостью пишет Рид: «Все это были мои лучшие друзья в Мексике — компанерос генерала Урбины!» Рид узнал и чувство глубокой боли, когда получал вести о гибели своих компанерос, с которыми делил и мысли и последний кусок пищи.

Страстная личная заинтересованность в исходе борьбы поставила Джона Рида в ряды открытых сторонников народного дела. Когда правительство штата Дуранго обнародовало указ о том, что «отныне все пахотные земли отходят к сельскому населению в полную собственность», Рид от всей души ликова́л вместе с вооруженными пеонами. «Это самое главное из того, что делает революция!», — восклицал он.

Все, о чем бы ни писал Джон Рид, приобретало форму личного убеждения, личного опыта. Вот почему такую большую внутреннюю силу получало то, чего касалось его перо. Так, например, изображая один из уголков Мексики, он замечал: «Невозможно объективно писать о пустыне, вы сливаетесь с нею, становитесь частью ее самой». И этот принцип «слияния» лежал в основе его отношения к изображаемой им действительности.

Пейзажные зарисовки, которыми богат рассказ Рида о событиях мексикачской революции, придают книге живописность, яркую красочность. Глаза его жадно вбирали и пустынную долину, напоминающую огромную чашу, по краям сливающуюся с огненно-голубым мексиканским небом, и необозримые пространства выгоревших желтых прерий, и косматые бурые горы. Перед Ридом проходила панорама дней, до краев залитых яростным, не знающим пощады солнцем, сумерек, когда на высоком небесном куполе внезапно, подобно ракетам, взрываются звезды, или ночей у костра... Рид рассказывал об огромных кактусах, залитых красным, голубым, пурпурным и желтым светом заката, превращающим эти растения в кораллы на дне океана, о солнце, повисшем на вершине красных порфириновых гор, о бирюзовой чаше неба, окрашенной оранжевыми облаками, о золотистом тумане, затопляющем землю...

Природа — необходимый и активный элемент сюжета, она входит органической частью в картину великой общественной

драмы. «Это была земля, — писал Джон Рид, — которую можно было любить, за которую можно было сражаться».

Мужественное и прекрасное своим юношеским энтузиазмом жизнелюбие — важнейший мотив в замечательном эпосе, созданном Ридом. И это закономерно, ибо основой оптимизма Джона Рида, если воспользоваться выражением Вильямса, стала «любовь великого сердца к народу, к трудящимся массам... непосредственная открытая любовь ко всем простым людям, которые встречаются ему на пути».

«Восставшая Мексика» — это книга, которая помогает понять великую драму мексиканского народа.

Корреспонденции и книга о Мексике сделали имя Джона Рида известным широким кругам американских читателей. Рид признавался: «Я вновь обрел себя и писал лучше, чем когда-либо». «Восставшая Мексика» много значила в творческом развитии Джона Рида: соприкоснувшись с революцией, он творчески возмужал.

Рид считал своим долгом верно служить мексиканскому народу и по возвращении в Соединенные Штаты. Правящие круги его страны вынашивали планы вооруженного вторжения в Мексику. Рид выступил на страницах «Нью-Йорк таймс» (апрель 1914 г.) с протестом против угрозы американской интервенции. Он рассказывал правду о Мексике и ее революции, об ужасах диктатуры Диаса, о борьбе крестьян за землю. «Не навязывайте мексиканцам наших «великих демократических институтов»: крупных трестов, безработицы, наемного рабства», — саркастически замечал Рид. Он заявлял, что в случае интервенции присоединится к мексиканцам и будет сражаться против захватчиков.

Но и внутри США шла беспощадная война капитала с трудом; одним из мрачных эпизодов ее была кровавая трагедия в Лудлоу (Колорадо), разыгравшаяся в апреле 1914 года. Место Джона Рида, конечно, было там, в самой гуще схватки, и он поехал в Лудлоу. На страницах газет Джон Рид рассказал о жесточайшей расправе с рабочими-шахтерами, о том, что их выселили на улицу, а потом настигли в наспех сооруженных палатках и предали огню эти жалкие убежища шахтерских семей, о том, как в огне гибли женщины и дети, как из пулеметов расстреливали искавших спасения рабочих... Рид бросил в лицо владельцу шахт Рокфеллеру и его агентам: «Вы убийцы!». Все более уверенным и грозным становился его голос. То был голос пролетарской Америки. Репортаж Рида о Лудлоу («Война в Колорадо», июнь 1914 г.) вынул в конце концов правительство назначить комиссию для расследования.

* * *

Разразилась первая мировая война. Джон Рид едет в Европу военным корреспондентом. В 1914—1915 годах он исколесил

охваченную пожаром войны Европу: побывал во Франции, Англии, Германии, Италии, Турции, на Балканах, в России. Рид рвался в самое пекло, в окопы переднего края. Во Франции его едва не расстреляли, так как он без разрешения проник на передовые позиции, в Сербии он тяжело заболел от пережитых лишений. Нелегально пробравшийся в царскую Россию, Рид был арестован. С большим трудом ему удалось освободиться. И опять Джон Рид готов к новым испытаниям и подвигам.

Рид видел искалеченную, растерзанную, залитую кровью и покрытую руинами Европу. В статьях «Миф об американской тучности», «Война торговцев», «Заметки о войне» и в других, опубликованных на страницах «Мэссиз», Рид выступает с яростным протестом против происков империализма, против зачинщиков чудовищной бойни народов. Не жалобы по поводу ужасов войны, но страстные призывы к организованной борьбе с милитаризмом были характерны для Рида. По возвращении в Соединенные Штаты он выступал на митингах рабочих в различных городах страны с разоблачением «войны торгашей». В одном строю с передовыми элементами американского рабочего класса и интеллигенции, вместе с лучшими людьми из Социалистической партии, Американской федерации труда, из организации «Индустриальных рабочих мира» Джон Рид боролся против военной истерии, раздуваемой правительством, против популяризации войны под демагогическими лозунгами защиты свободы и демократии. На страницах «Мэссиз» слышится его негодующий голос, обличающий Лигу национальной безопасности, действия которой направляли крупнейшие империалистические концерны «Стандарт ойл», «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», миллиардеры Дюпон, Морган, Гугенхейм и Рокфеллер.

За годы войны Джона Рида не раз арестовывали, а в Нью-Йорке привлекли к суду по обвинению в государственной измене. Прокурор яростно добивался обвинительного приговора, и снова жизнь Рида висела на волоске (суд прибег даже к инсценировке: во время процесса оркестр возле здания суда играл патриотические гимны!). Джон Рид держал себя мужественно и заявлял, что он за войну, воодушевляемую революционными идеалами. «Но в нынешней войне,— спросил его прокурор,— вы воевали бы под американским флагом?». «Нет!» — ответил Рид. «Почему же нет?». И тогда Рид произнес речь, в которую вложил весь свой темперамент неукротимого борца. Картила ужасов войны, нарисованная им, поразила даже враждебно к нему настроенных присяжных. Рид и его товарищи были оправданы.

В годы первой мировой войны Рид не прекращает напряженной творческой работы: публикует рассказы на страницах «Мэссиз», издает сборник стихов, переделывает свою пьесу

«Входит Диббл», проникнутую антибуржуазными сатирическими тенденциями, выпускает книгу военных очерков «Война в Восточной Европе» (в русском издании — «Вдоль фронта»).

Книга очерков Рида «Война в Восточной Европе» — явление *противоречивое*. Поверхностный и определенно ошибочный характер ряда наблюдений и выводов Рида о России периода первой мировой войны в немалой степени объясняется тем, что Рид в ту пору не имел ни времени, ни физической возможности глубоко изучить Россию. Он отмечает, например, «глубокое национальное единство чувств и мыслей», якобы царящее в стране. Или утверждает, что в войне и русский пролетариат и средний класс — «оба настроены весьма патриотично». Сумбурное и бесплодное существование тех русских интеллигентов, с которыми пришлось Риду сталкиваться (бесконечные разговоры в духе романов Достоевского за нескончаемыми чаепитиями), он склонен принять за образ жизни русского народа.

Тем показательнее, с другой стороны, что Рид, проявляя изощренное чутье крупного художника и публициста, мог и в этой книге иногда подняться до создания картин большого социального звучания. Сильнейшие страницы книги посвящены рассказу о многострадальном народе Сербии; он говорит о грандиозных хищениях, казнокрадстве, предательстве, неразберихе на фронте и в тылу, виновником которых была правящая верхушка царской России.

И в корреспонденциях и в своей книге Рид занимал позицию убежденного противника бойни народов, затеянной империалистами. Он писал о крестьянах Болгарии — страны «настоящих честных людей», которых правящая клика собиралась погнать на войну, о народах Балкан — «колыбели сильных, мужественных людей-бойцов», которых заставляли умирать за чуждые им интересы. Он видел, как шли на фронт русские солдаты — «бородатые опечаленные гиганты», шли «к неведомым боям за непонятное дело». В Петрограде Рид наблюдал, как по улицам двигались многие тысячи рекрутов, одетых еще в свою крестьянскую одежду, которых должны были «небрежно швырнуть на Запад, чтобы, истребив несметное число их, задавить ужасную германскую машину». Рид писал в своей книге о поразительных контрастах, которые он наблюдал в Румынии. На расстоянии всего часа езды в автомобиле от Бухареста Румыния бояр-тунеядцев, утопающих в роскоши, сменяется Румынией истощенных и неграмотных крестьян, прозябающих в землянках. «Гнет толкнет их к восстанию! — восклицает Рид. — Никогда еще страна не была столь готова к революции».

Джон Рид говорит в книге о внушительной забастовке рабочих Путиловского завода в 1915 году и забастовках в Киеве, Одессе и других городах. Он почувствовал, что в России существует «могущественная и спокойная угроза» царизму. С сер-

дечной теплотой пишет он о том, что Россия способна овладеть мыслями человека, что здесь он видит наиболее простой и наиболее непринужденный образ жизни. «Русские выдумки веселее всех других, русская жизнь самая свободная, русское искусство наиболее богатое, русская еда и питье, на мой вкус, самые лучшие, а сами русские, возможно, самые интересные существа на свете». Джон Рид полюбил Россию, полюбил землю, которая через несколько лет, в грозную пору Октября, примет навсегда останки благороднейшего сына американского народа.

Нельзя сказать, что эта книга Рида означала во всех отношениях новую, высшую ступень художественного мастерства. Некоторые качества, характерные для «Восставшей Мексики», оказались в ней утраченными. Это относится и к искусству композиции, к умению группировать факты и наблюдения с наибольшим идейным и художественным эффектом, не нарушая внутреннюю жизненную логику событий. Вместе с тем пейзаж, выдержанный в «Восставшей Мексике», в зыбких импрессионистических тонах, сменяется здесь реалистически мощным пейзажем, не теряющим в то же время типичной для Рида романтической одухотворенности (прекрасные описания сербской, болгарской, русской природы). Несколькими деталями Рид умеет создать в повествовании широкие обобщения. Книга «Война в Восточной Европе» свидетельствовала об осложненном противоречиями продвижении Джона Рида к новым высотам мировоззрения и мастерства.

В сентябре 1917 года Рид снова приезжает в Россию в качестве корреспондента «Мэссиз». Он изучает обстановку, сложившуюся в стране в период после провала корниловской авантюры, и постепенно убеждается в том, что неизбежен новый гигантский революционный взрыв. Каждая новая неделя пребывания Рида в России множила на его глазах признаки приближения небывалой еще в истории человечества социальной бури, неясное и смутное предчувствие которой он выразил на страницах книги о первой мировой войне.

Рид едет на фронт, в двенадцатую армию. Солдаты — босяе, истощенные, погибают в окопной грязи от голода и болезней. Офицеры открыто предпочитают военное поражение сотрудничеству с солдатскими комитетами. Рид записывает: «Американцам показалось бы невероятным, что классовая борьба могла дойти до такой остроты».

«Русский Рокфеллер» — Лианозов энергично развивал перед Ридом мысль о том, что, может быть, голод и поражение пробудят в русском народе «здравый смысл», спасут от пролетарской диктатуры. Надвигалась суровая зима; страна все глубже погружалась в трясину разрухи. Рид видел на лицах крупных воротил торговли и промышленности злорадство: они надеялись, что зима поможет им избавиться от революции.

Риду было известно, что на юге владельцы угольных копей выводят их из строя. А на фронте голодали и умирали армии, фронт распадался, замирали железные дороги, закрывались фабрики, у хлебных лавок змеились длинные очереди. Возникли всевозможные реакционные подпольные организации, поднимали голову силы старого режима, силы контрреволюции.

Временное правительство пыталось балансировать между жалкими реформами и суровыми репрессиями. Народные массы стихийно начинали решать наболевшие вопросы о мире, о земле. Каждый день убеждал Рида в огромной притягательной силе большевистских лозунгов, в том, что большевики — единственная, до конца последовательная, подлинно революционная партия, могущая повести народные массы на решительный штурм старого мира. С удивлением и восторгом Джон Рид пишет: «Какую изумительную жизнеспособность проявляла русская революция после стольких месяцев голодовки и разочарований! Буржуазии следовало бы лучше знать свою Россию. Теперь лишь немногие дни отделяли Россию от полного разгара революционной «болезни».

Митинги, которыми бурлил Петроград, множество различных газет, брошюр и плакатов, листовок, воззваний, приказов — все становилось предметом жадного внимания Джона Рида. «Россия, — писал Рид, — поглощала печатный материал с такой же ненасытностью, с какой песок впитывает воду». Это сравнение можно отнести к самому Риду. Вильямс рассказывает, с какой неутомимостью Рид собирал повсюду материалы: комплекты «Правды», «Известий», прокламации, брошюры того времени. Вильямс вспоминает о таком эпизоде: часто плакаты различных партий наклеивались один на другой толстым слоем. «Однажды Рид отодрал пласт в шестнадцать плакатов, один под другим. Ворвавшись в мою комнату и размахивая огромной бумажной плитой, он воскликнул: «Смотри! Одним махом я сцапал всю революцию и контрреволюцию!»

Почти каждый день Рида можно было увидеть в Смольном, в его коридорах, переполненных красногвардейцами, матросами, солдатами с фронта, или встретить в помещении Военно-революционного комитета. Жизнь, которую вел Джон Рид, требовала от него громадного духовного и физического напряжения. Прошло только четыре года со времени пребывания Рида в Мексике, но это были бурные, насыщенные событиями годы. И Рид, подошедший погреться у костра, пылающего у Смольного в холодную октябрьскую ночь семнадцатого года, уже не был тем Ридом, которого освещали отблески костров в темную мексиканскую ночь тринадцатого года. Иного, идейно возмужавшего человека, сделавшего содержанием своей духовной жизни идеи Ленина, дело пролетарской революции, можно было видеть на заседаниях Петроградского Со-

вета и в «логове зверя» — в белогвардейском Комитете спасения, ушедшем в подполье, в Городской думе и в Зимнем — убежище Временного правительства. В Петрограде в эти дни была вместе с Джоном Ридом и его жена — американская журналистка Луиза Брайант.

Джон Рид присутствовал при открытии исторического Второго Всероссийского съезда Советов, его глаза и сердце запечатлели штурм Зимнего дворца: «Мы вскарабкались на баррикады, сложенные из дров, и, прыгнув вниз, разразились восторженными криками...». Вместе «с бурной человеческой волной» ворвался он в Зимний; видел, как разоружали юнкеров; видел, как сопровождаемые вооруженными рабочими, сквозь толпу шли гуськом арестованные члены бывшего Временного правительства... Он был на фронте под Питером, когда красногвардейцы и матросы отражали наступление войск Керенского; видел, как подавляли белогвардейский мятеж в самом Питере. Рид был свидетелем первых трудных шагов Советской власти, ломавшей саботаж и открытое сопротивление врагов.

Джона Рида знал Владимир Ильич Ленин. Вот что пишет Хикс — биограф Рида — о его беседах с Лениным в 1919 — 1920 годах: «Рид часто бывал у Ленина в его кремлевском кабинете, и Ленин был рад видеть его не только потому, что он интересовался положением в Соединенных Штатах, но и потому, что ему нравилась жизнерадостность молодого американца. Ленин решительно рекомендовал Риду поселиться в рабочем районе и говорил ему, что это лучший способ глубоко изучить русских и понять Россию. Ленин отчитывал его за беспечное отношение к своему здоровью и обнаруживал при этом познания в области физиологии, изумлявшие Рида. Они беседовали на всевозможные темы иногда до рассвета, и Рид все глубже осознавал гуманизм и величие этого человека. По предложению Ленина он написал для официоза Коммунистического Интернационала большую статью о революционном движении в Америке».

Джон Рид взял на себя выполнение огромной важности общественно-политической миссии: его статьи о русской революции, появлявшиеся на страницах журнала «Либерейтор» (начал выходить вместо запрещенного журнала «Мэссиз»), раскрывали глаза американскому читателю на подлинное значение событий, на роль большевистской партии в Октябрьском перевороте. Он написал серию статей под названием «Восстание пролетариата».

Не довольствуясь обычной ролью журналиста, Рид — человек неиссякаемой энергии, принимает деятельное участие в жизни молодой Советской России. Он и его друг Альберт Рис Вильямс работали в Бюро Международной революционной пропаганды, выступали на митингах. Рид сочинял тексты к иллюстрациям и фотографиям для приложения к газете «Фа-

кел», называвшегося «Русская революция в картинах». Так, например, под одной из фотографий группы членов Революционного трибунала помещен текст: «Эта группа—в ней четыре рабочих и три солдата—представляет в настоящее время Верховный Суд Российской Республики. Большинство их насчитывает долгие годы тюрьмы за революционную деятельность. Теперь эти рабочие и солдаты стали судьями тех, кто раньше притеснял народ».

В начале 1918 года Ленин и делегаты III Всероссийского съезда Советов слушали страстное выступление Джона Рида, его клятву сделать все возможное, чтобы по возвращении на родину донести правду о России до самых широких слоев американского рабочего класса.

Мысли о родине, о ее судьбе никогда не покидали Рида. В феврале 1918 года он возвращался в Америку. Во время вынужденной длительной остановки в Скандинавии он работает над книгой о русской революции и пишет поэму «Америка. 1918», исполненную высокой патетики, позволяющую ощутить, что эту поэму создавал человек, воодушевленный идеями Октября.

Приезд в Америку в апреле 1918 года открывает один из самых напряженных периодов в жизни Джона Рида. Полиция конфискует ценнейшие материалы, собранные им в России.

Пролетарская Америка бурлит; на многолюдных митингах и собраниях рабочие заявляют о своей солидарности с революционной Россией. Один из популярных деятелей рабочего движения в Америке Юджин Дебс, на шестьдесят четвертом году жизни заточенный в тюрьму, бросил в лицо судьям гордые слова: «В свое время мы придем к власти в этой стране и во всем мире... Мир на наших глазах меняется с каждым днем. Солнце капитализма близится к закату, солнце социализма восходит...».

Американские рабочие с возмущением встретили попытки отечественных капиталистов вместе с капиталистами других стран вооруженной рукой подавить революцию в России. Против разнузданной антисоветской пропаганды, против империалистической интервенции, в защиту Октябрьской революции, за новую, социалистическую Америку сражается Рид и словом и пером. Многочисленны его выступления на массовых митингах в различных городах Соединенных Штатов: в Филадельфии, Бостоне, Детройте, Нью-Йорке. Риду приходилось выступать по несколько раз в день, он не щадил себя, стремясь донести до американского народа правду об Октябре. Несмотря на многократные аресты, штрафы, преследования, реакции не удается оторвать писателя от народа. Растет популярность Джона Рида: его жаждут слушать, его выступлений требуют, его забрасывают вопросами о событиях в России. И Рид рассказывает о пропаганде большевиков во время вой-

ны, о ходе революционных событий, о штурме Зимнего дворца, о борьбе с Керенским, о работе Советов, о тактике большевиков в отношении «умеренных социалистов». В Филадельфии полиция закрыла доступ в зал, предназначенный для собрания. Это не остановило Рида, он выступил на улице перед многолюдной толпой с импровизированной трибуны. Наэлектризованные его выступлением, слушатели в Нью-Йорке выразили свой энтузиазм пением «Марсельезы». Громом рукоплесканий встречают рабочие Детройта первое же слово, которым Рид начал речь: «Товарищи!..».

Особая сила выступлений Джона Рида, потрясавших тысячи его слушателей, состояла в том, что он неизменно связывал в одну историческую цепь революцию в России с перспективами освободительного движения в самой Америке. Примечательна в этом смысле великолепная статья Рида «Социалистическая революция под судом», помещенная в «Либерејтор» в сентябре 1918 года. Статья посвящена судебному процессу «Индустриальных рабочих мира» в Чикаго.

Буржуазная печать подвергала Рида беспощадной травле, призывала к расправе с ним, его имя приводило в ярость капиталистическую Америку; двери газет и журналов перед ним закрылись. Но ни угрозы, ни смертельная опасность, нависшая над его головой, не могли сломить неукротимого духа, бесстрашной революционной решимости Джона Рида. Он становится редактором журналов «Революционный век», а затем «Коммунист» и получает, таким образом, трибуну для публицистических выступлений.

Вернув конфискованные у него полицией русские материалы, в маленькой нью-йоркской комнате Рид пишет свою знаменитую книгу. Агенты реакции организовали охоту за рукописью, пытаясь похитить ее и уничтожить. Но 19 марта 1919 года книга Джона Рида, наконец, вышла из печати. Это была прославленная, облетевшая затем весь свет книга «Десять дней, которые потрясли мир».

* * *

Грандиозный по своему историческому значению разнообразный материал вместила книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». «Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата». Так высоко оценил В. И. Ленин книгу Рида в предисловии к американскому изданию. Н. К. Крупская совершенно справедливо заметила, что свое замечательное произведение Рид смог написать потому, что он не был

сторонним наблюдателем, но был революционером, коммунистом, понимавшим смысл великой борьбы (см. предисловие к русскому изданию).

В этом лучшем и самом вдохновенном творении Рида есть внутренняя цельность и логика, позволяющая верно воссоздать неотвратимый и бурный бег событий навстречу грозной и величественной развязке.

В облике Джона Рида перед нами предстал писатель действительно нового типа, представитель социалистической литературы. И когда Рид называет себя добросовестным летописцем, он вкладывает в это традиционное понятие новый, революционный смысл: летопись русской революции стала для американца Джона Рида, воспитанника привилегированного колледжа, также исповедью и его собственной души. Не погоня за сенсацией, а темперамент истинного бойца, дух неукротимого жизнелюбия ставит его на передний край классовой борьбы, в самую гущу трагически сплетающихся событий. В творчестве Джона Рида нашел свое яркое воплощение исторический оптимизм эпохи пролетарских революций.

В первой главе своей книги Рид рассказывает о встрече в конце сентября в Петрограде с иностранным профессором социологии. В деловых кругах и среди интеллигенции профессор слышал, что революция идет на убыль. Но побывав в фабричных городах и в деревнях, профессор получил уверенность, что революция идет на подъем. Наблюдатель был явно озадачен неразрешимым в его глазах противоречием. Но оба наблюдения, говорит Рид, были правильны: «Имущие классы становились все консервативнее, а массы — все радикальнее». Умение видеть весь фронт общественных противоречий — вот что отчетливо проступает в этой короткой реплике Рида. Его недолгая, но насыщенная поучительным опытом жизнь, породила в нем чудесную способность схватывать действительность в единстве резко противоположных устремлений, видеть историческое развитие, чувствовать те силы, которые пробивают дорогу рождающемуся новому миру.

На примере автора «Десяти дней, которые потрясли мир» подтверждается общий закон: полный и безоговорочный переход художника на позиции передового мировоззрения, активное отношение его к действительности, в соединении с талантом, способствуют рождению книг, оставляющих глубокий след в истории общечеловеческой культуры.

Громадна притягательная сила «Десяти дней» для миллионов читателей, ибо не только идейное, но и с точки зрения художественности особое значение здесь имел выбор главного героя повествования. Таким героем у Джона Рида выступает народ, впервые идущий к сознательному историческому творчеству. Происходящая в России революция, в глазах писателя, — одно из величайших событий в истории человечества, ибо она

всколыхнула Россию до самых глубин, выдвинула на передний план угнетенные низы. Впервые в мировой зарубежной литературе были показаны многомиллионные массы целой страны в действии, направленном на коренное изменение условий жизни всего общества.

«Десять дней, которые потрясли мир» — образец нового, революционного эпоса, душа которого — народ, становящийся творцом своей собственной судьбы. Важен размах показанных событий, широта масштабов, в которых раскрывается жизнь народа в период революции. Первые шаги революции Рид уподобляет рождению бури; буря — нарастающий порыв миллионов... С замечательным мастерством он создает ощущение растущей силы, мощи пришедшего в движение неисчерпаемого людского массива. Он рассказывает, как по всему фронту, длиной в тысячи миль, «бурлила, как морской прилив, многомиллионная русская армия, высылая в столицу все новые и новые сотни делегаций, требовавших: «Мира! Мира!».

Художественные приемы Рида призваны сделать как можно более ощутимым грозный разворот народного движения, неотвратимость революции. «*Подземный огонь* революции...»; «...над Россией, словно *грозовая туча*, пронизываемая молниями, навис съезд Советов»; «*охваченная бурей* восстания», — говорит Джон Рид о России. Зал заседаний съезда Советов шумит, «как море». Петроград в неистовом возбуждении: «целый народ поднимается среди *рокота бури*...» Как прекрасна и величественна симфония победоносной пролетарской революции у Рида! Его книга — не историческое исследование, но она передает глубочайший смысл происходящего. Именно народные массы, говорит он, — рабочие, солдаты, крестьяне определили каждый поворот в ходе революции. Убедительный показ этого составляет огромную заслугу Рида и превращает его книгу в ценнейший документ общественного значения.

Своим изображением народной массы Рид внес в американскую литературу элемент подлинного новаторства. Не страдания народа, не слепая стихийная сила стоят в центре внимания Рида. Он открывает новый источник красоты, призванной в будущем обновить облик всего мирового искусства. Красота — в зарождении революционной сознательности, в приобщении человека из глубочайших низов ко все более сознательному историческому действию.

Напомним сцену, происходящую в Царском Селе: у выхода из вокзала стоят двое солдат с винтовками, окруженные сотней торговцев, чиновников, студентов. Из толпы несутся крики и брань. На одного из солдат наступает молодой человек в студенческой форме.

«Я думаю, вам ясно, — вызываясь говорил он, — что, под-

нимая оружие против своих братьев, вы становитесь орудием в руках разбойников и предателей».

«Нет, братишка,— серьезно отвечал солдат,— не понимаете вы. Ведь есть на свете два класса: пролетариат и буржуазия. Так, что ли? Мы...».

«Знаю я эту глупую болтовню!— грубо оборвал его студент.— Темные мужики, вроде вот тебя, наслушались лозунгов, а кто это говорит и что это значит — это вам невдомек. Повторяешь, как попугай!..». В толпе засмеялись... «Я сам марксист! Говорю тебе, что то, за что вы сражаетесь,— это не социализм. Это просто анархия, и выгодно это только немцам».

«Ну да, я понимаю,— отвечал солдат. На лбу его выступил пот.— Вы, видно, человек ученый, а я ведь простой человек. Но только думается мне...».

«Ты, верно, думаешь,— презрительно перебил студент, — что Ленин — истинный друг пролетариата?».

«Да, думаю»,— отвечал солдат. Ему было очень тяжело.

«Хорошо, дружок! А знаешь ли ты, что Ленина прислали из Германии в запломбированном вагоне? Знаешь, что Ленин получает деньги от немцев?»

«Ну, этого я не знаю,— упрямо отвечал солдат.— Но мне кажется, Ленин говорит то самое, что мне хотелось бы слышать. И весь простой народ говорит так. Ведь есть два класса: буржуазия и пролетариат...».

«Дурак! Я, брат, два года высидал в Шлиссельбурге за революцию, когда ты еще стрелял в революционеров да распевал «Боже, царя храни!» Меня зовут Василий Георгиевич Панин. Ты обо мне никогда не слыхал?».

«Не слыхал, извиняюсь... — смиренно отвечал солдат.— Я ведь человек неученый. Вы, должно быть, большой герой...».

«Вот именно,— уверенно заявил студент.— И я борюсь с большевиками потому, что они губят Россию и нашу свободную революцию. Что ты теперь скажешь?»

Солдат почесал затылок. «Ничего я не могу сказать! — его лицо было искажено умственным напряжением.— По-моему, дело ясное, только вот неученый я человек!.. Выходит словно бы так: есть два класса — пролетариат и буржуазия...».

«Опять ты с этой глупой формулой!» — закричал студент.

«...только два класса,— упрямо продолжал солдат.— И кто не за один класс, тот, значит, за другой...».

Мы привели эту сравнительно пространную выдержку, так как она дает яркое представление об одном из самых важных идейных моментов книги — трудном, мучительном процессе рождения революционного сознания. С большой силой таланта ярко отобразил в эти годы возникновение и рост революционной сознательности масс также и французский писатель — коммунист Анри Барбюс в своем романе «Огонь». Близость Рида к Барбюсу подтверждает глубочайшую органичность те-

мы нового человека, нового сознания для реализма особого типа, который был рожден эпохой пролетарских революций.

Незабываем эпизод, изображающий митинг в полку броневиков в Михайловском замке. На митинге решается вопрос: с кем пойдут солдаты — с революцией или против нее? Офицеры уговаривают солдат оставаться нейтральными. Момент окончательного выбора, окончательного решения! Вот как пишет об этом Рид: «Мне никогда не приходилось видеть людей, с таким упорством старающихся понять и решить. Совершенно неподвижно стояли они, слушая ораторов с каким-то ужасным, бесконечно напряженным вниманием, хмурая брови от умственного усилия. На их лбах выступил пот». Страстная, искренняя речь падавшего от нечеловеческой усталости большевика Крыленко окончательно повернула сердца солдат в сторону революции. Рид напоминает: такая же борьба шла всюду, по всей стране, в каждой казарме, на каждой фабрике, в деревнях... «Подумайте о сотнях тысяч русских людей, пожирающих глазами ораторов по всей огромной России, о рабочих, крестьянах, солдатах, матросах, так мучительно старающихся понять и решить, так напряженно думающих и в конце концов решающих с таким беспримерным единодушием. Такова была русская революция!..».

Понять и решить — вот поистине великие задачи момента, о которых неоднократно говорит Рид. Он сообщает о неисчислимом количестве собраний и митингов, когда любой перекресток в любом городе становился трибуной.

Понять и действовать — таков был девиз эпохи, двигавший массами. Рид, посетивший фронт, был свидетелем характерного случая: его встретили солдаты, погибавшие в окопах от истощения, холода и грязи. И все же их первым вопросом было: «Привезли ли что-нибудь *почитать?*» (курсив Д. Рида. — А. И.). Контуры величественной революции, совершающейся в умах, в психологии миллионов, глубоко и верно обозначены в книге Джона Рида. Но так увидеть и так запечатлеть ее, рассказать об этой революции мог лишь человек большого дарования и большого сердца, беззаветно преданный идеям ленинской партии большевиков, человек, не отделявший себя от народа.

Джон Рид показывает народные массы России в решающие для судеб революции моменты. Второй съезд Советов, на который съехались «истинные пролетарии страны». Негодующие, страстные голоса делегатов переданы Ридом во всей безыскусственной правде и силе. «Не освобождать социал-предателей! Арестовать реакционный исполнительный комитет крестьянских советов!» — требует какой-то солдат из крестьян. И Рид, воодушевленный суровой справедливостью этих требований, всем сердцем разделяет их: «Да, это были истинно революционные слова...». Полон глубокого исторического

смысла эпизод из работы съезда Советов. В напряженной тишине оглашается список народных комиссаров — состав народного правительства. Мы видим зал заседаний, штыки и штыки, торчащие у стен зала и над стульями делегатов, огромное помещение, битком набитое людьми с суровыми и решительными лицами... Они рукоплещут своей победе, своему собственному правительству!

Снеговая лавина, рокочущий гром, неистовая буря, могучая река — такими словами передает Рид представление о разбуженной мощи народа.

Мы видим вооруженный народ в те незабываемые дни Октября у входа в Смольный, на лестницах и в плохо освещенных залах — толпы рабочих в блузах, с винтовками через плечо, солдат в грубых шинелях и в серых меховых шапках... Мы видим народ и в момент штурма Зимнего и в момент опасности, нависшей над красным Питером — наступления войск Краснова и Керенского. Тревожные гудки вызвали на улицу десятки тысяч людей. «Мужчины, женщины и подростки с ружьями, ломами, заступами, мотками проволоки, патронташами поверх своей рабочей одежды тянулись по грязным улицам к югу и юго-западу...» Рид видел, как в зимних сумерках шли красногвардейцы Питера, шли неровными рядами с высоко поднятыми головами, без музыки и барабанов... Эти люди шли на смертный бой во имя революции... Буржуазная толпа на тротуаре полубоязливо, полупрезрительно провожает их ненавидящим молчанием. Так оттеняет Рид моральное величие людей, прокладывающих своими жизнями дорогу человечеству в новый, свободный мир.

Джон Рид раскрыл огромное историческое значение партии Ленина. «Возвышение большевиков — явление мирового значения», — писал он в своей книге, сделав тем самым один из наиболее глубоких и важных выводов, связанных с изучением опыта Октябрьской революции. Писатель показывает большевиков как подлинных и единственных представителей народа, по праву вставших во главе его и приведших массы к победе.

Уже в те первые годы Советской власти книга Джона Рида делала свое большое положительное дело, разрушая мифы и легенды капиталистической пропаганды о большевистской партии, как группе сектантов, чуждых народу. В «Десяти днях» самым неопровержимым и блистательным образом доказана народность большевизма. Большевизм народен потому, утверждает Рид своей книгой, что ленинцы были партией, владеющей созидательной программой, в отличие от остальных партий, которые в течение восьми месяцев занимались болтовней. Программа большевиков самым прямым и очевидным образом отвечала кровным интересам, задушевным чаяниям рабочих, солдат, крестьян.

Рид не скрывает, с какими трудностями столкнулись большевики, вступив на неизведанный путь строительства социалистического общества. Нехватка людей, способных принять участие в управлении государством, способных организовать новые вооруженные силы республики; массовый саботаж, диверсии, контрреволюционные мятежи — грозные опасности подстерегали отовсюду молодую республику Советов; парализованный транспорт, разрушенная промышленность, катастрофическая нехватка продовольствия. В рядах партии орудует оппозиция. Почему же в этих невероятно тяжелых условиях большевики завоевали и удержали власть? Рид показывает, как, ломая сопротивление врага, преодолевая трудности, большевики выковывают новую, пролетарскую Россию. Декрет о национализации банков, создание ВСНХ, проведение в жизнь декрета о земле, демократическая реорганизация в армии, изменения в различных отраслях государственного управления и жизни, осуществляемые по воле рабочих и крестьян, укрепляли новый, советский порядок. Рид подчеркивает: не сделками с господствующими классами и с политическими лидерами других партий завоевали большевики власть. «Единственная причина огромного успеха большевиков кроется в том, что они осуществили глубокие и простые стремления широчайших слоев населения, призвав их к работе по разрушению и искоренению старого, чтобы потом вместе с ними возвести в пыли падающих развалин остов нового мира...».

К числу ярчайших мест книги принадлежат описания Смольного — штаба революции. Портретные зарисовки большевиков — руководителей Октябрьского переворота (Подвойский, Володарский, Дыбенко) и колоритное описание внутреннего вида Смольного, каким он был в Октябрьские дни, дают выразительное представление о той сверхчеловеческой нагрузке, которую несли на своих плечах руководители переворота. Штаб революции — Смольный — аккумулировал волю и энергию миллионов. «Смольный весь дрожал от безграничной активности неисчерпаемых человеческих сил». Рид наблюдал за кипучей, не знавшей передышки работой боевого оперативного центра восстания — Военно-революционного комитета. «Люди,— пишет он,— входили туда свежими и полными сил, дни и ночи крутились они в этой ужасной машине и выходили оттуда бледными, измученными, охрипшими и грязными, чтобы тут же свалиться на пол и заснуть...» От Военно-революционного комитета искры летели, «как от перегруженной током динамомашины».

Навсегда, для всех трудящихся поколений запечатлел Джон Рид на страницах своей книги образ Ленина — вдохновителя и руководителя величайшей из революций. Он читал статьи Ленина в газетах и брошюрах, еще пахнущих ти-

пографской краской, он слушал его речи на собрании делегатов гарнизонных полков, на заседании Всероссийского крестьянского съезда, на Втором съезде Советов... Отсюда, из Смольного, из рабочего кабинета Ленина люди ехали в глубь страны и «везли с собой пылающие факелы революции». Рид засвидетельствовал факты мощного брожения в деревне под воздействием ленинского декрета о земле, влияние ленинских идей на революционно настроенных солдат, возвращавшихся с фронта. Он слышал, как Ленин громил оппозицию на заседании ЦИК по вопросу о свободе для буржуазной печати, — «каждая его фраза падала, как молот». Он убеждался не раз, с какой беззаветной верой шли за Ильичем массы, отменяя «дезертиров» и «штрейкбрехеров».

Разве не чувствуется патетическая волнующая музыка революции в чудесном портрете Ленина, выступающего на Втором съезде Советов! «Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них. Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но уже с проступавшей бородкой, столь известной в прошлом и будущем.

Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании пронизательной гибкости и дерзновенной смелости ума».

Вот как передает Рид выступление Ленина на заседании съезда:

«Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому, не замечая нараставшую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал:

«Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!»

...Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь; голос его был с хрипотцой — не неприятной, а словно бы приобретенной многолетней привычкой к выступлениям — и звучал так ровно, что, казалось, он мог бы звучать без конца... Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонялся вперед. Никакой жестикуляции. Тысячи простых

лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания... От его слов веяло спокойствием и силой, глубоко проникавшими в людские души. Было совершенно ясно, почему народ всегда верил тому, что говорит Ленин».

Точная и ясная, избилующая документами книга «Десять дней, которые потрясли мир» отличается в художественном смысле от метафорически пышной, романтизированной «Восставшей Мексики». Неизмеримо более сдержанной стала манера автора. Джон Рид нашел новую, высшую форму прекрасного: каждая, даже самая малая деталь освещена и приподнята постоянным, то явным, то скрытым присутствием масс, охваченных революционным энтузиазмом. Книга Рида звучит, как героическая симфония. Выразительность повествования достигается, в частности, широким использованием контрастов. Рид непрестанно сопоставляет различные пункты средоточия важнейших событий: Смольный — Зимний дворец; Петроградский Совет — Городскую думу; Военно-революционный комитет — Комитет спасения, что дает ему возможность раскрыть глубину и масштабность исторических событий. Рид передает крайнюю напряженность общественной борьбы, сопоставляя разнородные материалы: приказы, воззвания, газетные статьи, резолюции, плакаты и обращения лагеря революции и контрреволюции, например воззвание Всероссийского съезда Советов и приказ Керенского после бегства из Петрограда.

Огромно познавательное значение книги Рида, погружающей нас в накаленную атмосферу революции. Дыханием больших исторических перемен наполнено все повествование — от маленькой уличной сценки до больших общественных событий.

Рид наделен острым ощущением закономерности, справедливости совершающегося и чувством историзма, исторической значительности фактов повседневной жизни.

Меньше всего Рид дает волю собственным чувствам и личным оценкам: он предоставляет слово фактам, документам, иногда цифрам и всегда — живой речи участников событий. И именно здесь, в глубокой человеческой сути сталкиваемых идей, фактов, документов, он открывает новую форму возвышенного, не внешне эффектного, но потрясающего внутренней смысловой значительностью. Приводя декреты и распоряжения, воззвания и обращения Военно-революционного комитета или рожденного революцией правительства, Рид почти никогда не считает нужным комментировать их: суровым языком декретов и воззваний говорила сама пролетарская революция.

Это не значит, разумеется, что Рид исключал из повествования собственную личность, свои взгляды на события. В Нью-Йорке 1 января 1919 года, закончив книгу, он писал

в предисловии к ней: «В борьбе мои симпатии не были нейтральны. Но, рассказывая историю тех великих дней, я стараюсь рассматривать события оком добросовестного летописца, заинтересованного в том, чтобы запечатлеть истину». Рид и не скрывает в книге своих большевистских симпатий, но его «я» находит выражение не столько в прямых личных высказываниях, сколько в изображении фактов, ибо главное — «запечатлеть истину», чтобы ее смогли увидеть «все трудящиеся мира и их потомки отныне и навеки...» Если Рид говорит от своего имени, то часто лишь затем, чтобы выразить переполняющий его душу восторг слияния, братской общности с революционным народом. Так, в финале взволнованного описания церемонии похорон жертв революции в Москве, Рид выступает со своей, авторской оценкой события: «И вдруг я понял, что набожному русскому народу уже не нужны больше священники, которые помогали бы ему вымаливать царство небесное. Этот народ строил на земле такое светлое царство, какого не найдешь ни на каком небе, такое царство, за которое умереть — счастье».

Взросло и, можно сказать, стало отточенным и вдохновенным искусство обобщения. С особым блеском демонстрирует Джон Рид свое мастерство широкого типического обобщения, например, в финалах глав книги. Для примера укажем на главу IX — «Победа». Войска Керенского разгромлены, и он сам, переодевшись, бежал. То была крупная победа революции. Рид возвращается в Петроград в кабине грузовика, переполненного красногвардейцами. И вот эпизод, завершающий главу: «Старик-рабочий, правивший нашей машиной, восгорженным жестом взмахнул в сторону сиявшей вдали столицы.

«Мой! — кричал он, и лицо его сияло. — Теперь весь мой! Мой Петроград!»

Сюда же можно отнести и картину грозного рассвета над Питером 8 ноября, приобретающую символическое значение (глава IV); зрелище сосредоточенной и молчаливой подготовки двух миров для решительной смертельной схватки (глава VI).

Рид не писал систематической истории Октябрьского вооруженного восстания, но как ярко и с какой необыкновенной живостью он донес обжигающий душу накал десяти дней, которые потрясли мир, с какой строгой точностью он передал логику в развитии событий революции!

В книге Джона Рида, однако, встречаются ошибки, обусловленные теми специфическими обстоятельствами, в которых ему пришлось делать свои наблюдения и собирать материал. Он не смог составить себе объективно полного представления о работе большевистской партии и о работе Ленина, протекавшей в подполье, не смог отобразить борьбы Ленина и большевиков с капитулянтами. Неверно, изобразил

Рид и ход заседания, на котором было принято Центральным Комитетом партии решение о вооруженном восстании. Но ошибки не снижают выдающихся достоинств книги Джона Рида — первой книги в мировой зарубежной литературе, воссоздавшей облик грозных и незабываемых дней Октября.

Книга Джона Рида оказала, несомненно, широкое и многостороннее влияние: она влияла не только на пролетарское движение в Америке, проясняя классовое самосознание рабочих, открывая им глаза на всемирное значение Октября, но она воздействовала и на формирование прогрессивных сил в литературе различных стран. Самый облик Джона Рида — человека, в котором в гармоническом согласии проявляли себя темпераментный боец-гражданин и зоркий талантливый художник, не мог не оказывать сильного и плодотворного воздействия на круги зарубежной творческой интеллигенции.

Работа над книгой переплеталась у Рида с кипучей пропагандистской и организаторской деятельностью. Вместе с другими передовыми политическими деятелями Америки Рид включается в борьбу с реформистскими элементами социалистической партии. Он выступает за превращение левого крыла социалистов в коммунистическую партию США и становится одним из ее организаторов.

В конце 1919 года он снова едет в Россию и после невероятных трудностей прибывает в Москву, куда к этому времени переехало правительство. Он много раз бывал у Ленина в Кремле, в качестве делегата принимал участие в работе II конгресса Коммунистического Интернационала. На одном из заседаний, 26 июля 1920 года, он выступает с речью о положении негров в Соединенных Штатах, о возмутительной «системе Джима Кроу», низводящей негров до положения отверженных париев. Рид избирается членом Исполкома Коминтерна, работает в комиссии Коминтерна по национальному вопросу и в комиссии по профсоюзному движению. По предложению В. И. Ленина Джон Рид пишет записку «Коммунистическое движение в Америке», в основной своей части опубликованную в № 7 и 8 за 1919 год и в № 9 и 10 за 1920 год журнала «Коммунистический Интернационал», под названием «Революционное движение в Америке».

Зрелым политическим мыслителем и ярким публицистом выступает Рид в этой работе. Центральная проблема статьи — организованность и сознательность в рабочем движении. Рид обнаруживает здесь драгоценное чувство нового. Высокой оценки заслуживает его умение анализировать факты общественной жизни и делать на их основании широкие и ясные обобщения, оценивать происходящее с точки зрения классовой борьбы, массовых интересов трудящихся и перспектив революционного движения в США.

«Перед рабочим классом,— писал Рид,— встает во всей

своей остроте следующая альтернатива: или промышленное рабовладельческое государство или диктатура пролетариата.

Когда американские рабочие вполне ясно поймут это, тогда у нас не будет ни малейшего основания опасаться за дальнейшую судьбу революционного движения в Америке».

Летом 1920 года Рид приехал в Баку и принял участие в работе съезда народов Востока. Самый факт созыва съезда, все увиденное на нем произвело на Рида глубочайшее впечатление. Он выступил перед делегатами съезда с интересной, страстной речью, раскрыл перед ними отвратительную и зловещую суть американского империализма. «Нет, товарищи,— говорил Рид,— дядя Сэм никогда не дает ничего бесплатно... Кто поверит его обещаниям — заплатит кровью». Как актуально звучат и сегодня эти слова Джона Рида!

Он вдохновенно говорил, обращаясь к съезду: «Есть лишь одна дорога к свободе! Объединитесь с русскими рабочими и крестьянами, которые сбросили своих капиталистов и Красная армия которых побеждает войска иностранных империалистов.

Следуйте за красной звездой Коммунистического Интернационала!».

Вернувшись в Москву с Кавказа, Рид тяжело заболел. 17 октября 1920 года его не стало. Он был торжественно похоронен у Кремлевской стены. В предисловии к книге «Десять дней, которые потрясли мир» Н. К. Крупская писала: «Джон Рид связал себя целиком с русской революцией. Советская Россия стала ему родной и близкой. Он в ней погиб от тифа и похоронен под Красной стеной. Тот, кто описал похороны жертв революции, как Джон Рид, достоин этой чести».

* * *

Джон Рид глубоко и прочно связан с передовыми демократическими традициями американского освободительного движения. Он стал прообразом новой Америки, той самой Америки будущего, о которой прогрессивный негритянский поэт Лэнгстон Хьюз писал:

Пусть Америка станет Америкой вновь,
Такою, какой никогда не была,
Но будет — где каждый свободен,
Моею страной.
Страною для бедных, страной для индейцев,
Страною для негров,
Страной для меня!
Для тех, кто Америку создал!

Кто пот проливал
И кровь проливал,
Кто верил и отдал свой труд,
Кто молот вздымал, за плугом шагал!
Пусть нашу мечту вернут!
Да!
Я прямо об этом сказал:
Америки нег для меня,
Но клянусь:
Америка будет!

Автор
Александр Федорович Ивашенко

Редактор Е. Н. Конюхова
Техн. редактор А. В. Трофимов
Корректоры Л. С. Малышева
и А. Г. Нудлер

А04506 Подписано к печати 14/VII 1958 г. Тираж 80 000 экз. Изд. № 97.
Бумага 60×42¹/₁₆—1 бум л.=2 печ. л. Учетно-изд. 1,9 л. Заказ № 1849.

Типография изд-ва «Знание», Новая пл., дом 3/4.

50 коп.

КНИГА — ПОЧТОЙ

Высылаются наложенным платежом (без задатка) брошюры, вышедшие в свет в 1957 году в издательстве «Знание»

ЛУЦЕНКО В. К., канд. историч. наук. **Московский кремль.** Цена 2 руб.

Брошюра представляет собой очерк ценнейшего исторического и художественного памятника русской культуры — Московского кремля со времени его возникновения до наших дней.

В брошюре много фотографий исторических и архитектурных памятников кремля. Специальный раздел посвящен жизни и деятельности В. И. Ленина в Московском кремле.

АРХАНГЕЛЬСКАЯ А. И. **Выдающийся русский живописец В. Г. Перов.** Цена 1 руб. 50 коп.

В брошюре рассказывается о жизни и творчестве одного из крупнейших русских художников-демократов — В. Г. Перове.

Брошюра иллюстрирована репродукциями выдающихся картин художника: «Похороны крестьянина», «Тройка», «Утопленница» и др.

ДРЕМОВ А. К. **Образ положительного героя в советской литературе** Цена 50 коп.

В брошюре рассматривается проблема возникновения и развития в советской литературе образа нового человека — человека социалистического общества. Анализируются отдельные произведения, подробно разбираются недостатки и положительные стороны в изображении положительного героя писателями советской эпохи.

Брошюра представляет интерес для преподавателей, студентов, учащихся старших классов средней школы, а также для всех тех, кто занимается самообразованием.

Академик И. П. БАРДИН, 40 лет черной металлургии СССР. Цена 60 коп.

Брошюра состоит из глав: 1. Основные этапы развития черной металлургии. 2. Современное состояние металлургического производства. 3. Доменное производство. 4. Прокатное и трубное производство. 5. Железнодорожная промышленность. 6. Коксохимическое производство и огнеупорная промышленность. 7. Черная металлургия в шестой пятилетке.

Брошюра иллюстрирована photographиями.

КАЗАКОВ Н. Ф. **Технический прогресс и передовой опыт новаторов машиностроения.** Цена 60 коп.

Брошюра содержит следующие главы: 1. Рост советского машиностроения и совершенствование технологии. 2. Скоростное резание металлов. 3. Современные инструментальные материалы, применяемые при скоростном резании. 4. Применение минералокерамического инструмента. 5. Новые конструкции инструментов и выбор рациональной геометрии резцов. 6. Культура эксплуатации инструмента. 7. Сокращение вспомогательного времени и максимальное повышение доли машинного времени. 8. Распространение и внедрение передового опыта.

Брошюра снабжена схемами, таблицами и рисунками.

ПОБЕДОНОСЦЕВ Ю. А., доктор технич. наук, профессор. **Искусственный спутник Земли.** 72 стр. Цена 1 руб. 20 коп.

В брошюре подробно рассказывается о конструкции и запуске первого в мире советского искусственного спутника Земли и других вариантах проектов искусственного спутника. В приложении даются основы расчета спутника.

В специальной главе описываются современные баллистические ракеты, устройства для огневых испытаний ракетных двигателей на Земле и в полете.

Брошюра иллюстрирована photographиями и рисунками.

Книги и брошюры высылаются наложенным платежом.

Заказы направляйте по адресу: Москва, Д-98, 2-й Щукинский проезд, д. 3, магазин № 55 Москниготорга.